

УДК 1751

## ЧТО ТАКОЕ «ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАН» СЕГОДНЯ?

Оробий С.П.

*ГОУ ВПО «Благовещенский государственный педагогический университет», Благовещенск, Россия (675018, Благовещенск, ул. Ленина, 104), e-mail: [rektorat@bgpu.ru](mailto:rektorat@bgpu.ru)*

---

Географический фактор не является определяющим для литературы, особенно в эпоху глобализации, когда страны сливаются в сообщества, писатели и прочие граждане свободно пересекают границы, а национальные языки уходят в прошлое. Однако между московским и петербургским литературными пространствами по-прежнему проходит некая граница – вплоть до того, что московская и петербургская литература кажутся порой изолированными друг от друга. Петербургское литературное пространство генерирует тексты особенного свойства. Именно в петербургской литературе преобразился жанр филологического романа, ранее имевший невысокие ставки в литературном сообществе; здесь получил развитие жанр полифонического, интеллектуального детектива; здесь написан роман «Лавр» с подзаголовком «неисторический роман». Петербургские авторы не менее внимательно занимаются исследованием реальности – однако используют для этого несколько иные художественные приёмы: фантазмагорию, мистику, интеллектуальную игру.

---

Ключевые слова: жанр, роман, интеллектуальная проза, литературное пространство, критика

## WHAT IS «PETERSBURG NOVEL» TODAY?

Oroby S.P.

*Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia (675018, Blagoveshchensk, Lenin Str. 104*

---

Geographical factor is not decisive for literature, especially in the era of globalization, when the country's merge into the community, writers and other citizens to freely cross borders and national languages are fading. However, between Moscow and St.Petersburg literary spaces still runs some border - to the extent that Moscow and St Petersburg literature sometimes seem isolated from each other. Petersburg literary space generates texts special properties. That changed in the St. Petersburg literature Philology novel genre that previously had low rates in the literary community, here was developed polyphonic genre, intellectual detective, here written novel «Laurus» with the subtitle «unhistorical novel». Petersburg authors no less closely involved in the study of reality – but for this use somewhat different artistic techniques: phantasy , mysticism, intellectual performance.

---

Keywords: genre, the novel, intelligent prose, literary space, criticism

### Введение

Феномен «петербургского текста» определён и описан в классическом труде В.Н.Топорова, однако цель данной статьи – обозначить не академический контекст этого термина, а, напротив, проследить бытование понятия в сфере актуальных литературно-критических высказываний.

Современный писатель существует в условиях глобализации; считается, что его географическая прописка – вопрос относительный, особенно в стремительно меняющемся мире, где страны сливаются в сообщества, писатели и прочие граждане свободно пересекают границы, а национальные языки уходят в прошлое, уступая при этом отнюдь не русскому. Об успехе «Гарри Поттера» или романов Э.Л.Джеймс тоже принято судить в глобальном масштабе. Кроме того, писатели и читатели общаются в режиме реального времени, место их встречи – уже не обязательно литературное кафе, а почти всегда фэйсбук. Так ли это – применительно, в частности, к российской ситуации?

Как замечает критик Лев Данилкин, «писатели "размазаны" по стране крайне неравномерно; больше всего их в Москве и Петербурге; кроме того, в России есть скорее "литературные" регионы – а есть скорее не очень; так, возможно, в Нижнем Новгороде столько же писателей, сколько в Калининграде, однако концентрация писателей, за которыми любопытно наблюдать, явно больше, чем, к примеру, в Калининграде» [3]. При этом критик замечает, что имеет место «негласная дискриминация: издатели знают, что с провинциалами можно не церемониться, – просто потому, что тем, кто живет не в Москве, и платить можно не как в Москве; и с книгами их можно обращаться с меньшей аккуратностью – в конце концов, они не ходят каждый день в "Москву" и "Библио-глобус" и не видят, насколько далеко от центральных витрин выставлены их книги».

Можно взглянуть на этот вопрос иначе. Важнейшим стимулом культурного развития России было постоянное возвращение к изначальной провинциальности. Непредсказуемость прошлого компенсируется в отечественном сознании беспредельной широтой наличного пространства. Закономерно, что в последние годы изучение региональной литературы происходит под знаком видения исследуемого пространства как текста. После первопроходческих работ академика Топорова появились уже и московский, и пермский, и крымский, и другие тексты. Можно предположить, что изучение региональной литературы является для филологов тем ресурсом, который помогает преодолеть кризис литературной теории. Геопэтика, геокulturология, геолитературоведение – эти термины можно найти в соответствующей литературе, которая сама себя пытается как-то обозначить. Художественная словесность в геопэтике понимается как отражение действительности, которая оказывается привязана к определённым политизированным хронотопу. В этой сфере мы найдем исследования, посвященные и русской литературе: например, работы поляка из Кракова Василия Щукина о поэтике русской усадьбы.

Видимо, последним на данный момент прецедентом общероссийского масштаба, когда геопэтический фактор имел самостоятельное значение, был феномен писателей-«деревенщиков» в 1970-е годы. По законам же современной литературной ситуации провинциализм может иметь определённый успех, если примет форму особой экзотичности. Именно в таком виде предстаёт, например, культура марийского народа в произведениях Дениса Осокина или Пермский край в романах и документальных исследованиях Алексея Иванова (ср., например, его исторический путеводитель «Горнозаводская цивилизация»); при этом став одним из самых успешных прозаиков, Иванов не переехал ни в Москву, ни в Петербург, как, добавим, и Захар Прилепин (Нижний Новгород), и Александр Бушков (Красноярск, выступающий в его романах под именем Шантарск). Нельзя не упомянуть инициативы Владимира Абашева, по аналогии с «московским» и «петербургским»,

воссоздать и исследовать «пермский», а Александра Люсого – «крымский» тексты русской литературы.

Мы, однако, обратимся лишь к одному аспекту этой проблемы, самому традиционному – «петербургскому тексту», и взглянем на этот академический вопрос с точки зрения текущего литературного процесса. Верно ли, что петербургское пространство сегодня генерирует какой-то особый тип художественного высказывания – притом что роман «Петербург», к примеру, был написан москвичом Андреем Белым?

Полного взаимопроникновения московского и петербургского «текстов», однако, не происходит, более того: «иногда кажется, что московская и петербургская литература всё-таки изолированы друг от друга, живут отдельной друг от друга жизнью. Во всяком случае, это справедливо по отношению к некоторым авторам. Елена Чижова – один из них. Московская критика её как будто не замечает и даже вручение писательнице премии "Русский Букер" ситуации не изменило. Какое-то отчуждение остаётся. Почему так – сказать не берусь» [1: 304], – замечает Николай Александров. Однако проходит время – и московский (!) критик объявляет Петербург книжной столицей России-2012: «Именно в Петербурге были написаны лучшие романы этого года, именно в Петербурге проживают их авторы. Именно "Амфора" совершила чудо с Мо Янем. В Петербурге умер Б.Н.Стругацкий. Наконец, в Петербурге появился "Лениздат" – издательство, где русской прозой заведует Павел Крусанов, и откуда, по-видимому, и следует ждать главные хиты 2013 года» [4]; добавим, что именно «Лениздат» выпустил роман Антона Понизовского «Обращение в слух» – первую из громко обсуждавшихся новинок 2013 года; именно петербургский критик Виктор Топоров придумал премию «Национальный бестселлер» – едва ли не самую демократичную литературную премию постсоветской России. Итак, есть гоголевско-достоевский Петербург – а есть булгаковская Москва; есть «Москва Иличевского», зафиксированная в романе «Матисс» и «Москва Рубанова» (см. роман «Великая мечта), равно как есть «Петербург Секацкого» или «Ленинград Андрея Тургенева».

Иными словами, в петербургском романе 2000-х есть важный литературный субстрат, позволяющий московскому критику заявить: «"в Москве так не пишут"; <...> жизнеподобная "реалистическая" проза, не имеющая метафизического измерения, представляется там попросту вульгарной» (речь о прозе Ильи Бояшова) [5]. Петербургские авторы не менее внимательно занимаются исследованием реальности – однако используют для этого несколько иные художественные приёмы. На рубеже десятилетий в петербургской литературе преобразился и вышел на первый план жанр, ранее имевший невысокие ставки в литературном сообществе, – «филологический роман» [7].

Можно считать знаковым 2010 год, а именно – выход в свет романа Евгения Водолазкина «Соловьёв и Ларионов», снискавшего успех как у читателей, так и у критиков. Историк Соловьёв, петербургский интеллигент, тоскующий «по не виденным им временам», исследует биографию белого генерала Ларионова, странным образом уцелевшего после окончания Гражданской войны и умершего в Крыму глубоким стариком. Идея расследования, предполагающая постоянные перемещения героя не только во времени, но и в пространстве, подразумевает, что помимо скрытых цитат и корпоративных острот роман будет иметь чёткий сюжет, «квест»; читательские оправдания оправдываются и вознаграждаются – в частности, яркой кульминацией в виде «скандала» на историко-филологической конференции.

Идею «филологического романа» и «романа-путешествия» совмещает и «мужской роман-травелог» Сержа Кибальчича (Сергея Кибальника) «Поверх Фрикантрии, или Анджело и Изабела», история увлечения России Америкой, символически представленная через захватывающий рассказ о любви русского и американки. Впрочем, травелог этот не столько географический, сколько сюрреалистический: Америка здесь именуется Фрикантрией, а Россия – Эйлинией; так проводится идея о том, что для русского путешественника Америка, сколь бы ни была доступна, всегда остаётся неким чудесным местом, иным миром. Читатель, однако, легко считывает большинство иронических иносказаний: эффект дежавю – литературный, этнографический ли – обязательная жанровая опция.

«Филологический» герой не всегда находчив и сообразителен: есть изрядная доля иронии в том, что вечно растерянный герой «Скунскамеры» Андрея Аствацатурова обитает на Площади Мужества (попутно отметим и переосмысление героем привычного топоса: «"скунскамера" – аствацатуровский город, пространство: замкнутое и резко пахнущее страхом наблюдателя; кунсткамера, паноптикум под открытым небом, в котором выставлены курьезы и нелепости трех сменивших друг друга империй – царской, советской и либеральной» [6]). Житейская рассеянность, однако, компенсируется чрезвычайной повествовательной находчивостью: и «Люди в голом», и «Скунскамера» – романоиды, собранные из многочисленных баек, заметок, анекдотов и при этом цельные благодаря выдержанной авторской интонации.

Столь же изобретательно выполнен роман «Ты так любишь эти фильмы» Екатерины Чеботарёвой, долгое время (до вручения ей премии «Нацбест» в 2013-м) скрывавшейся под псевдонимом «Фигль-Мигль». Задуман он как детектив, однако детектив полифонический: в центре его любовно-детективная история с несколькими убийствами, однако излагается она четырьмя совершенно разными персонажами (один из которых – такса), и столь прихотливо,

что вычислить убийцу нет никакой возможности – остаётся получать удовольствие от виртуозности исполнения.

Разумеется, во всех описанных случаях мы имеем дело не с «последней искренностью», а с авторской маской, художественной игрой, благополучно освоенным постмодерном – однако в этом определении «модерн» важнее, чем «пост». «Живая жизнь» здесь, как правило, увидена сквозь призму «текста» – но романы петербургских авторов не сводятся к «книжкам-про-книжки». Вот динамика успеха: если в 2010-м «Соловьев и Ларионов» Водолазкина чуть не получил «Большую книгу» (шорт-лист), то в 2013-м его же «Лавр» стал едва ли не главным литературным событием года. Подзаголовок «Лавра» – «неисторический роман»: рассказывая о людях XV века, автор всем ходом повествования убеждает читателя, что времени не существует, точнее его слои – прозрачны, взаимопроникаемы: человек из 1488 года может во сне узреть эпизод из XX столетия, из-под снега, по которому идёт средневековый целитель, выглядывают пластиковые бутылки. Петербургским прозаикам вообще свойственен особый взгляд на историю, её новое стилистическое освоение – вспомним такие произведения, как «Танкист, или "Белый тигр"» Ильи Бояшова (о мистическом противостоянии советского танкиста и фашистского танка) или «Спать и верить» Андрея Тургенева (история блокадного Ленинграда, изложенная в фантасмагорическом ключе).

Словом, нельзя сказать, что «текст» интересует петербургского писателя больше, чем «жизнь» – сюжетика названных произведений заставляет скорее задуматься о чрезвычайной подвижности границ между ними. Говоря о новой (2013) повести Ильи Бояшова «Кокон» (о человеке, ощутившем в себе присутствие души как некую болезнь и не жалеющего сил и средств на то, чтобы излечиться от странного недуга) Лев Данилкин замечает: «Сюжет о психосоматических отклонениях лишь на первый взгляд производит впечатление странного: на самом деле, вся нынешняя питерская "высокая литература" – в диапазоне от носовской "Франсуазы" до водолазкинских "Лавра" – примерно о том же самом» [2]. Если литературные датчики московских писателей настроены на волну актуальных событий, то петербургские авторы интересуются их, событий, иррациональной, абсурдной составляющей; булгаковская Москва пережила визит inferнального Воланда – из гоголевского Петербурга нечистая сила никуда и не уезжала.

### Список литературы

1. Александров Н.Д. С глазу на глаз. Беседы с российскими писателями. – М.: Б.-С.-Г. Пресс, 2012. – 376 с.

2. Данилкин Л. 5 книг на 2 недели История информации, ЖЗЛ Ивана Ефремова, новый Быков и другие. // Афиша. – 16.12.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://vozduh.afisha.ru/books/istoriya-informacii-zhzi-ivana-efremova-novy-bykov-i-drugie/> (дата обращения: 9.1.2014).
3. Данилкин Л. 20 писателей, живущих в провинции, за которыми интересно наблюдать // Афиша. – 5.9.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://vozduh.afisha.ru/archive/writers-outside-moscow-and-stpete/> (дата обращения: 9.1.2014).
4. Данилкин Л. Литературные итоги-2012 // Афиша. 27.12.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://vozduh.afisha.ru/archive/literaturnie-itogi-2012/> (дата обращения: 9.1.2014).
5. Данилкин Л. Рец. на: Илья Бояшов. «Эдем» // Афиша. - 30.10.2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.afisha.ru/book/2175/review/452099/> (дата обращения: 9.1.2014).
6. Данилкин Л. Рец. на: А.Аствацатуров. Скункамера. // Афиша. – 17.1.2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.afisha.ru/personalpage/191552/review/357568/> (дата обращения: 9.1.2014).
7. Ладохина О.Ф. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века? – М.: Водолей, 2010. – 168 с.

**Рецензенты:**

Красовская С.И., д.фил.н., профессор, заведующая редакцией русского языка и литературы издательства «Просвещение», г.Москва.

Киреева Н.В., д.фил.н., профессор кафедры литературы Благовещенского государственного педагогического университета, г.Благовещенск.